
Демократия и идентичность: корреляция в условиях неопределенности

К.О. Телин

В последние годы дискуссии о форматах демократии и методах ее становления — иначе говоря, некоем «демократическом транзите», если использовать устоявшуюся терминологию политической науки, — становятся все более и более острыми. Это связано с достаточно широким спектром причин объективного и субъективного характера, к числу которых относятся, например, как операционные риски выработки и реализации политического курса, так и общее усложнение государственных функций ввиду продолжающегося процесса глобализации и развития информационных технологий.

Вместе с тем, общим местом политической науки считается проблема определения детерминант демократического транзита, то есть тех переменных, — институтов, социальных подсистем или конкретных методов и форм политического участия — динамика которых была бы критически важной для трансформации всей системы и режима как ее текущей конфигурации. Поразительно, но при общем и вполне устоявшемся понимании важности подобной задачи и определенном, пусть и лишенном системного единства, методологическом пространстве политической науки современные исследователи так и не сошлись во мнениях относительно означенных выше детерминант. Р. Даль, например, полагал, что плюрализм и многовластие подкрепляются массовостью и «конкурентностью» политики, а следовательно, перечнем обстоятельств, подкрепляющих данные явления, Д. Норт считал, что важнейшую роль играют неформальные правила и практики, а современные институционалисты, такие, как В. Попов, полагают, напротив,

К.О. Телин Кандидат политических наук. Научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. Ломоносова.

что центральным звеном любого транзита, подобного демократическому, является готовность формальной институциональной среды адаптироваться к новым условиям. Полярность приведенных позиций, вместе с тем, наилучшим образом иллюстрируют различные реформистские усилия, предпринимаемые национальными правительствами для обновления и даже, можно сказать, «перезагрузки» своих политических систем во избежание трансформацией, стимулируемых извне. Зачастую они носят противоречивый и неоднозначный характер, который, вместе с тем подкрепляет ключевой тренд мирового развития: сегодня необходимость институтов представительства и участия отрицается лишь оттесняемыми на маргинальные позиции консерваторами-традиционалистами, продолжающими интерпретировать политический процесс в сакральном или агностическом ключе. К примеру, под влиянием событий, получивших название «арабской весны», в 2012 г. произошли политические реформы в таких странах, как Оман (децентрализация власти), Иордания (смена правительства) и Алжир (либерализация и отмена действовавшего почти 20 лет чрезвычайного положения) — мягко говоря, далеко не образцовых с точки зрения следования нормам западной либеральной демократии и склонных скорее к консерватизму «подданнической» или «приходской» политической культуры.

Институциональный же транзит, вероятно, — вообще наиболее актуальный прикладной сюжет любой политической практики, а в особенности сопряженной с глобальными трендами и заимствованием моделей, воспринимаемых в качестве экзогенных для конкретной государственной системы. Несомненно, это связано, в первую очередь, с характеристиками института как центрального звена любой современной государственно-управленческой системы, но вместе с тем, сегодня заимствование институтов и нормативных предписаний воспринимается несколько иначе, чем еще полвека назад, что определяется возросшим проникновением корпоративизма в саму логику государственного строительства. Так, концепции нового публичного менеджмента или «политических сетей», в некоторых странах (США, Эстония, Великобритания, государства Северной Европы) непосредственно применяемые на практике, превращают некогда монолитную среду государственного суверенитета в дискретное пространство, где институциональные заимствования являются лишь отправной точкой для развертывания крайне сложной спирали социально-экономических и политико-управленческих процессов — схожие процессы происходят и

в других странах, стремящихся к укоренению «передового» опыта развитых государств. Институциональный обмен становится мощным внутренним мультипликатором всей управленческой системы.

Даже на уровне общественного мнения и сознания институционально-нормативное заимствование имеет острое и актуальное звучание — ввиду популярных апелляций политиков и к международному опыту, и, напротив, к национальным особенностям, отчего-то противопоставляемым более глобальным вопросам. Почему по итогам трансформационных

Институционально-нормативное заимствование имеет острое и актуальное звучание

процессов в Польше или Чехии произошло качественное обновление политического корпуса, а в России или Белоруссии этого не произошло? От чего зависит эффективность ретрансляции на одной национальной почве политических теорий и практик, успешно апробированных в других государствах? Все

эти вопросы остаются довольно дискуссионными, чтобы привлекать внимание как отдельных исследователей, так и достаточно солидных научных и академических учреждений.

Естественно, при изучении данных вопросов стоит учитывать опыт, накопленный каждой из представленных выше концепций — и определенную политическую культуру, присутствующую в том или ином сообществе; элиминация подобных моментов может приводить к масштабной организационной ловушке, сопровождающей любые решения, кажущиеся рациональными — т.е. выводимыми из некоего внешнего коллективного стандарта полезности. Инкрементальные требования, между тем, решают лишь часть проблемы, поскольку не образуют понимания критических параметров и переменных «демократического транзита», а ведь именно этот вопрос, как уже отмечалось выше, является, пожалуй, важнейшим — примерно так же, как Д.М. Бьюкенен считал определение «правил игры» важнейшей составляющей политического процесса¹.

Неопределенность объектного пространства транзита лучшим образом иллюстрирует мнение видного теоретика Т. Карозерса, отмечающего, что, в среднем, «структурные» характеристики гораздо меньше влияют на исход транзита, чем «процедурные», т. е. действия политических факторов². Сама постановка вопроса подобным образом формирует крайне неопределенные требования к политической системе, вынужденно пере-

ходящей в состояние трансформации, — ведь оказывается, что будущее демократических процессов зависит от них самих, а не от каких-либо структурных характеристик той среды, в которую их пытаются инкорпорировать. Замечание Карозерса, впрочем, с большой вероятностью касается того, что для успешности транзита недостаточно создания хорошо проявивших себя в других системах институтов или формального заимствования норм законодательства — но для реализации тех самых «процедурных» требований необходимо наличие определенных управленческих механизмов, обеспечивающих минимум эффективный контроль за трансформацией политического режима и систем принятия решений. Да, подобные механизмы далеко не всегда могут быть институционализированы — но для более целостных систем «гражданского патронажа» и гражданского контроля необходим, в свою очередь, не меньший список требований и гарантий, позволяющих быть уверенным в том, что прискорбные девиации от процесса демократизации будут преодолены и сведены к ранее определенной траектории транзита.

Уже процитированный Р. Даль, к примеру, в своей теории полиархии максимально, насколько возможно, приближается к трактовке Карозерса: обозначаемые американским классиком политической науки требования применимы, в первую очередь, не к самой демократии, сколько к ее обрамлению — институциональному, нормативному, правовому. Каждое из довольно многочисленных предписаний — и формулирование предпочтений, и их выражение, и своеобразное равенство граждан (иначе говоря, своеобразная интерпретация «триады» Дж. Фишкина³) — в концепции Даля имеет свой перечень «переменных второго порядка»⁴, и именно подобная многоступенчатость приводит к измеримости и операционализации демократического контроля. Вряд ли борьба Ли Куан Ю с коррупцией в Сингапуре была бы эффективна без системы формальных требований, сопряженных как со структурными, так и с процедурными характеристиками — многочисленные же примеры систем, обошедшихся какой-либо одной из двух форм, подтверждают неэффективность подобного редукционизма.

Кроме того, само выделение «процедурных», или процессуальных характеристик вызывает к жизни целый ряд важных соображений, выходящих далеко за скобки собственного демократического устройства и даже формирования институтов участия. К примеру, для становления системы агрегирования коллективных интересов даже в системе с уже укорененными

демократическими ценностями строго необходима четкая база общественного дискурса — вне зависимости от характера обсуждаемых проблем, дискурс должен предоставлять одни и те же ролевые и функциональные позиции всем своим участникам, чтобы между ними не существовало асимметричных и неравных отношений (как в плане защищаемых интересов, так и в плане доступных форм подобной защиты). Речь не идет о некоей исповедуемой всеми идеологии, скорее — о правилах, нарушение которых будет одинаково восприниматься всеми участниками; в каком-то плане здесь приоритетное значение имеет именно «согласие, исходящее из взаимодействия, а не всеобщее одобрение некоего абстрактного идеала»⁵, то есть коллективные ценности, скрепляющие на общих основаниях даже гетерогенные и многосоставные общества вроде тех, что выделял А. Лейпхарт⁶. Можно говорить, что именно о таком ограничении принципиально разнородных систем писал П. Сабатье — число активных и значимых участников политического процесса всегда ограничено достаточно узким перечнем «ядром верований» и общих ценностей, и именно «ядро», являющееся, по факту, не столько ценностями, сколько общими для диалога сторон механизмами участия и обсуждения, есть ключевая посылка к формированию демократического сообщества.

Можно вспомнить замечание, сделанное отечественным исследователем А.Ю. Мельвилем и праксеологизирующее подобный тезис в отношении трансформации политического режима, В своей работе для проекта «Политический лексикон»⁷ Мельвиль отмечает, что «во многих случаях успешных демократизаций выход из политического тупика обеспечивала не победа одной из противоборствующих политических сил, а оформление своего рода пакта (типа хрестоматийного пакта Монклоа в Испании) или серии пактов, устанавливавших «правила игры» на дальнейших этапах демократизации и предоставлявших определенные гарантии «проигравшим»⁸, что подчеркивает значимость для демократического проекта некоторых общих ценностей, вокруг которых может выстраиваться не только взаимодействие конкретных политических сил, но и вся система потенциальных связей и интеракций.

Вне всяких сомнений, подобный «общественный договор» имеет колоссальное значение для демократической трансформации — но лишь при том условии, что все его участники в должной мере представляет себе смысл установления коллективных правил и цель самой трансформации, в той или иной степени разделяя ее. Для достижения же подобного со-

стояния исключительно важное значение имеет посылка, часто не рассматриваемая исследователями, — а именно коллективная идентичность, формирующая основной пласт базовых ценностей.

Именно фактор наличия или отсутствия подобной идентичности, вероятно, стоит исследовать современными статическими методами политического анализа, сформировав более или менее работоспособную корреляционно-регрессионную модель:

первичные же наблюдения показывают довольно высокую степень достоверности подобных представлений. Вспоминая концепцию «soft states» Г. Мюрдаля, стоит отметить, что на слабости исследуемых им обретших независимость африканских государств, вероятно, не в последнюю очередь, ска-

*В системе с уже
укорененными демократи-
ческими ценностями
строго необходима четкая
база общественного дискурса*

залось отсутствие коллективной идентичности в пределах административно (или вообще внешним образом) установленных границ — для этого континента до сих пор в значительной степени характерна племенная, клановая и родовая идентичность⁹. В странах Восточной Европы, вероятно, наличие коллективной идентичности или даже национального проекта также выступило в роли значимой для трансформации переменной.

Обращаясь к российскому и даже (в широком смысле слова) постсоветскому опыту, стоит заметить, что и каждое из государств на территории бывшего Союза пытается составить себе полноценный национальный проект со свойственными именно таковым проектам мифологемами, образами и историческими традициями, а также своеобразными представлениями об общественном сознании и менталитете. Прибалтийские республики активно пересматривают прежний исторический контекст, вступая в зону дипломатического конфликта с российскими властями, активно защищает языковую и историческую самобытность, страны Средней Азии пытаются дополнить устоявшиеся этнические представления идентичностью, сформированной на основе примитивнейшей из ассоциативных моделей — модели подданства («елбасы» Н. Назарбаев в Казахстане, феномен «баши» в Туркменистане, культ личности Э. Рахмона в Таджикистане и пр.). Американский экономист М. Спенс в своей книге «Следующая конвергенция» отмечает, что большинство жителей наиболее динамично развивающейся экономики мира — Китая — иден-

тифицирует себя как «хань», и это «самоопределение — отчасти скрытый, но ценный актив, используемый в коллективных действиях и в государственном управлении»¹⁰; более четкую характеристику — и одновременно характерный, но сложный пример, — трудно вообразить.

Для выражения коллективных мнений необходима определенная атмосфера гражданского согласия

В исследовательском поле демократического транзита можно представить более яркие и простые примеры, с достаточной степенью убедительности иллюстрирующие посылку о полезном влиянии устоявшейся идентичности на процесс трансформации; к числу таких можно отнести Чехию, Польшу, отчасти Вьетнам и другие системы, где авторитарный режим скорее

нарушал логику развития политического пространства, а национальное самосознание выступало в качестве «плодородной почвы» для развития демократических институтов. Пример же Китая и, к примеру, соседней Индии, как демократизация до сих пор сопровождается противостоянием со значимыми элементами идентичности, крайне важен для принципиального и честного исследования корреляции между наличием достаточного четкого алгоритма идентификации, выражающегося через национальный проект или консенсусный набор культурно-исторических ценностей, и успешным развитием представительных учреждений и институтов участия.

Как уже отмечалось, несмотря на серьезные дискуссии внутри политической платформы плюралистов и демократов, большинство исследователей сходятся в одном — для стабильного укоренения и развития демократии необходимо стройное и системное агрегирование коллективных мнений и хотя бы относительная свобода их артикуляции (выражения). Без необходимого пакета «прав человека и гражданина», включающих в себя свободы совести, слова, участия, собраний и мирных массовых акций, сами основы демократического процесса могут быть подорваны и заменены химерой, которую часто называют «латиноамериканской моделью» гражданского общества, где государство само создает институты для диалога с самим же собой. Формируя, таким образом, исключительно замкнутую среду принятия решений, государство рискует попасть в волну снижения собственной эффективности, вызванную отсутствием диалога по ключевым вопросам развития и роста, что негативно скажется не только на эффективности общественного управления, но и на стабильности конкретного [властного] политического режима.

Для агрегирования же и выражения коллективных мнений необходима определенная атмосфера гражданского согласия, связанная далеко не обязательно с разделяемым большинством конкретным вектором развития, но непременно с правилами политической коммуникации и диалога. В «многосоставных» обществах, таких, к примеру, как Индия (чьё общество разговаривает на 114 основных языках, причем 22 из них объединяют более чем миллионные языковые группы¹¹) или Китай (несмотря на «хань-идентификацию», в стране существует более 50 национальных меньшинств численностью не менее 70 млн. человек), формирование такой культурно-ценностной платформы представляется одной из важнейших задач зарождающейся демократической системы.

Многие эксперты отмечают¹², что в последние десятилетия внутренняя политика Китая была ориентирована не только на преодоление маоистской редукиции исторического и культурного наследия, но и на восстановление «националистического дискурса», подпитывающего социальную базу современного режима. Хотя во время «культурной революции» практически под запретом было почитание Конфуция, одного из столпов традиционной китайской культуры, а из почти 7 тыс. буддистских монастырей осталось не более нескольких десятков¹³, важной задачей современного руководства КНР со времен Цзян Цзэминя является заполнение образованного после перехода к рыночным реформ культурно-ценностного вакуума, причем не в последнюю очередь именно патриотической риторикой и националистическими лозунгами, активно распространяющимися среди молодого поколения. В марте 2009 года на китайских книжных прилавках появилась написанное пятью авторами произведение «Китай сердится» (Unhappy China—The Great Time, Grand Vision and Our Challenge / 中国不高兴: 大时代、大目标及我们的内忧外患) начальный тираж в 270 тыс. экземпляров разошелся уже к апрелю¹⁴, что подчеркивает востребованность подобного рода литературы — возможно, именно среди интеллигенции и образованного «среднего класса».

Ситуация в Индии, во многом, синонимична китайской: так, еще Б. Андерсон указывал, что «самые старые национализмы Азии — здесь я имею в виду Индию, Филиппины и Японию — намного старше многих европейских — корсиканского, шотландского, новозеландского, эстонского, австралийского и т.д.». Современная правящая (а заодно крупнейшая и старейшая) политическая партия Индии также называется «Индийский национальный конгресс», и его программных документах национализм значится как одна из ключевых ценностей¹⁵. Не углубляясь в дискуссии о ха-

рактуре и причинах индийского национализма, стоит заметить, что подобные идеи далеко не всегда были характерны для народностей, населяющих страну, — иначе о самом существовании Индии вряд ли могла бы идти речь; тем не менее, не слишком оправданы и позиции тех исследователей, которые считают собственно индийскую нацию «плодом воображения идеологов национализма, (...) западных, в большинстве своем британских, ориенталистов»¹⁶. Свойственный современному Нью-Дели «национализм», в отличие от распространенных в Европе (и шире — на развитом Севере) течений правого и ультраправого толка, представляет собой конгломерат различных идеологий, обеспечивающих, среди прочего, совместное политическое участие индуистских и исламских акторов, а также атмосферу относительной толерантности в процессе государственного строительства. Американский политолог У. Гоулд утверждал¹⁷, что представленная в рамках идеологии политических партий Индии идея национализма-секуляризма представляла собой инструмент адаптации государственных структур и социальных страт к политическим и социальным обстоятельствам, ведь чисто светская концепция индийского национализма предполагала поддержание правительством одинаковой дистанции по отношению ко всем религиям и коммуналистским движениям, -и это при том, что все чаще допускалось использование религиозной символики индуизма для мобилизации масс на борьбу под национальными лозунгами, что по сей день позволяет исследователям говорить об особой форме индусского секуляризма

Индийский пример достаточно убедительно доказывает, что, несмотря на кажущееся сходство двух явлений, собственно националистическая риторика совсем не обязательна для становления национального проекта — или, говоря шире, для формирования единой в масштабах страны культурно-ценностной платформы. Вне всяких сомнений, обращение к монолитным коллективным потребностям и интересам требует обоснованности и укорененности в народном сознании и, если угодно, менталитете — однако подобный фундамент может быть заложен вне шмиттианской логики «свой-чужой», свойственной примитивным обществам или политическим режимам, подпитывающим идентичность собственных граждан за счет постоянного противопоставления кому-либо или не менее постоянного конструирования образа врага.

Восточные страны могут представить еще один достаточно удачный случай подобного позиционирования, сопровождающийся определенной обособленностью, но не связанный с фашистскими и националистическими

установками: долгое время (в период правления императоров Мэйдзи, Тайсо, а также последние годы правления императора Сева) подобную «национальную идею» развивало японское общество. Основным культурным скрепом последнего на протяжении означенных периодов была идея «кокутай» (в вольном переводе — «тело нации») — несмотря на его агрессивное насаждение в период расцвета японского милитаризма, сам этот идеологический конструкт представляет собой лишь постоянное возобновление в общественном сознании уникальных культурологических характеристик японской нации, будь то синтоизм или кодекс Бусидо. На протяжении многих эпох политическая и экономическая стабильность Японии находилась перед лицом серьезных угроз — однако размыть идентичность, транслируемую через «кокутай», не удалось ни Реставрации Мэйдзи, ни оккупационным силам генерала Макартура. Каждая из создаваемых в Японии политических партий долгое время не ставила под сомнения принципы «кокутай» — многие из них составляют основу общественной жизни по сей день.

*Националистическая
риторика совсем
не обязательна
для становления
национального проекта*

Подобные примеры могут составить в воображении как исследователя, так и обывателя (не говоря уж о политиках) иллюзию того, что современное соотношение демократии и идентичности не слишком отличается от образцов прошлого, когда для национального объединения далеко не всегда требовалось массовое и конкурентное политическое участие. Тем не менее, в современных условиях, когда в масштабах всей мировой системы стремительно распространяются одни и те же полуйдеологические конструкты и поведенческие практики, являющиеся следствием как глобализации, так и научно-технического прогресса в сфере массовой коммуникации, взаимопроникновение политического процесса и демократического участия становится все более очевидным. Формирование «глобальных городов», интеграция национальных элит в транснациональные клубы и едва ли не субкультуры, объединяющиеся на основе уровня потребления, — все это делает механизмы социализации и идентификации все более замыкающимися на процессах общественного выбора, когда здоровый популизм превращается в определенный якорь национального суверенитета.

Современные политики довольно часто обращаются к терминам и понятиям, подразумевающим некоторые национальные традиции в интерпретации демократического строя и методов его инкорпорирования в политическую среду; в России наиболее популярным из таких концептов является т.н. «суверенная демократия». Без сомнения, любой политический режим, будь он авторитарным или демократическим, тоталитарным или допускающим максимальную степень плюрализма, должен соответствовать запросу и потребностям того общества, с которым он связан, а суверенитет должен быть значимой ценностью, стоящей в основе национальных интересов, понимаемых как потребности и интересы, необходимые для воспроизводства и поддержания идентичности общества. Однако сегодня, вероятно, уместнее говорить и об обратной зависимости: ни одно государство не может обеспечить устойчивое поддержание своего суверенитета без обращения к публичной политике, ее правилам игры и, если говорить шире, демократическим механизмам, стоящим в основе современного политического участия. **МП**

Примечания

- ¹ Нобелевская лекция Дж.М. Бьюкенена (8 декабря 1986 г.) // «Вопросы экономики», №6/1994, с. 104-113 или The Nobel Prizes. Stockholm, Nobel Foundation, 1987, p.334-343.
- ² Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С.123-134 // <http://www.mgimo.ru/files/31076/31076.pdf>
- ³ А.И.Соловьева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С.123-134 // <http://www.mgimo.ru/files/31076/31076.pdf>
- ⁴ Fishkin J.S. When the People Speak Deliberative Democracy and Public Consultation. – Oxford University Press, 2009
- ⁵ Даль, Р.А. Полиархия: участие и оппозиция / Изд. НИУ-ВШЭ, 2010. – 288 с. // <http://id.hse.ru/data/2010/11/13/1209515590/содержание,%20предисловие,%20глава%201.pdf>
- ⁶ Нобелевская лекция Дж.М. Бьюкенена (8 декабря 1986 г.) // «Вопросы экономики», №6/1994, с. 104-113 или The Nobel Prizes. Stockholm, Nobel Foundation, 1987, p.334-343.
- ⁷ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М., 1997.
- ⁸ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С.123-134 // <http://www.mgimo.ru/files/31076/31076.pdf>
- ⁹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С.123-134 // <http://www.mgimo.ru/files/31076/31076.pdf>
- ¹⁰ Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity // Theory and Society. 2000. No. 1. Pp. 1-47.
- ¹¹ Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. – М., Институт Гайдара, 2013. <http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/profiles/India.pdf>
- ¹² <http://www.kommersant.ru/doc/2025882> http://www.synologia.ru/a/Национализм_интеллектуалов_в_современной_КНР
- ¹³ Smith W.W. 1996. Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations. Boulder: Westview
- ¹⁴ <http://kommersant.ru/doc/1162590>
- ¹⁵ Indian National Congress Manifesto <http://aicc.org.in/new/home-layout-manifesto.php>
- ¹⁶ Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века) // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007 Палишева Н. «Транзитивное общество – ломка традиций?» (<http://gefter.ru/archive/5721>)
- ¹⁷ Gould W. Hindu Nationalism and the Language of Politics in Late Colonial India. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.